Александр Яшин

Город гнева

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · 1943

Александр Яшин

Город гнева

Молодая Гвардия · 1943

Обложка художника Н. Седельникова

Эта работа писалась на кораблях Волжской военной флотилии в августе — сентябре 1942 года, в первый период боев за Сталинград, и в октябре была напечатана во фронтовой газете „Сталинское знамя" и в „Сталинградской правде".

Создание поэмы, достойной грандиозной сталинградской битвы, — дело времени. Весьма вероятно, что такую поэму напишет человек, не принимавший непосредственного участия в боях за волжскую твердыню, но несомненно, что он в своей работе не сможет обойтись без воспоминаний живых участников и свидетелей сталинградской эпопеи.

Исходя из этого, автор решил сохранить свои эпизоды „Город гнева" как зарисовки, сделанные в ходе великих боев и в какой-то мере отображающие великолепное мужество и стойкость моряков Волжской военной флотилии и бойцов Сталинградского фронта.

АВТОР

1. ДЕЙСТВУЙТЕ, КАК СТАЛИН

Ленин в восемнадцатом году
Телеграммы посылал в Царицын:
«Действуйте!
Снаряды подойдут.
И победой битва завершится».
Действовали красные полки,
Штыковые схватки не стихали,
Бронепоезд шел в Чапурники,
И Стальной дивизии клинки
Грозные в тылу врага сверкали.

От Сарепты степью на Гумрак
Линия окопов проходила.
Черной кровью обливался враг.
Ни на пядь отсюда,
Ни на шаг
Сталинская рать не отступила.

Ленин в девятнадцатом опять
В грозный час молнировал на Волгу:

«Действуйте, как Сталин.
Устоять!
Измотать врага и отогнать!
Силы вражьей хватит не надолго».
У Владимировки моряки
И у желтых скатов Черно-Яра
Очищали берега реки.
Разлетались белые полки
От морского — с выдохом — удара.

Краснофлотец, что прошел в огне
Маркинскую школу под Казанью,
В пулеметных лентах, как в броне,
По степи в атаку мчался на коне.
И доныне ходят по стране
О матросской дерзости сказанья.

Снова голос ленинский зовет:
«Вы должны расправиться с врагами.
Действуйте, как требует народ.
Волга вспять вовек не потечет.
Действуйте, —
Последний бой за нами!»
Слышим голос Ленина —
Он жив.
В испытаньях воинских он с нами.
Действуем!
И больше ни межи,
Ни тропинки,
Ни полоски ржи

Не уступим.
Сталин — наше знамя!

Каждый нерв донельзя напряжен.
Как стальной, напружен каждый мускул.
Запад ждет — поруган и сожжен.
Отомстим за смерть детей и жен,
Отомстим за каждый домик русский.

2. МЫ МОЛЧА КЛЯЛИСЬ ОТОМСТИТЬ ВРАГУ

Они пробились сквозь наши ряды,
Всё предавая огню для «порядка».
Они дошли до волжской воды,
И здесь завязалась новая схватка.

У Лотошанки
В лесном рукаве,
Нагрянув на вражью мотопехоту,
На автоматчиков в желтой траве,
Стальные грохочущие «КВ»
Взялись с упоением за работу.

«Катюша», подняв тропический рев
(Когда воспоем ее гнев и ярость?!),
Неуловимая, в дело ввязалась.
Ей гулом труб отзывался ров,
Земля пересохшая содрогалась.

Сгубив десятки своих корпусов,
Фашисты хотели дорогой степною

Пройти, не задерживаясь,
Волною.
Но вышла Волга из берегов
И встретила немцев, готовая к бою,
Как их встречали у невских лесов,
Как в Севастополе,
Как под Москвою.

Тогда они,
Вконец озверев,
Метнули на город черные крылья.
Будя в сердцах исступленный гнев,
Выбрасывал неба облачный зев
За эскадрильей эскадрилью.

Фугасные центнеры так рвались,
Как будто падали метеоры.
Деревья с насиженных мест снялись,
Железо и камни летели ввысь,
А люди скрывались в подвалы,
В норы.

Начало было страшным для нас:
Как будто во время землетрясенья,
В подъездах, на лестницах свет погас, —
Казалось, нигде не найти спасенья.

Загнав в укрытия мирный народ,
Дворы превращая в сплошные свалки,

Второй и третий сделав заход,
Фашисты стали бросать «зажигалки».

А город — над Волгой,
Под ветром весь,
Он весь — как лента.
И вот, под вечер,
Сначала с окраин метнулась весть,
Что в комнаты начало пламя лезть,
Что дым придавил тесовые плечи.

Потом лихорадка огня прошла
По центру, по белым дворцам,
По бульварам.
Слепящая, взвихренная метла
Очистила берег реки догола
И все расширяла площадь пожара.

Сгорал тротуар —
Занималась грязь,
Кусты дотлевали —
Песок дымился.
В сады словно осень вдруг ворвалась
Листва пожелтела.
Зола взвилась:
С началом пожара шторм разразился.

Народ бежал из подвала в подвал,
В овраги, в щели,
Где воздух не жжется.

Казалось, по улицам Волга льется.
Народ за вокзал, пригнувшись, бежал
И, задыхаясь в дыму,
Ночевал
В водопроводных колодцах.

А немец бросал,
Кружил и бросал,
Долбил, поджигал,
По часам — аккуратно.
Его не пугали детей голоса.
Через четыре немецких часа
Он, нагрузившись, летел обратно.

Стремглав неслась от машин в стороне
Еврейская девочка в степь
и ревела.
Она от огня убежать хотела:
Не знала, что пламя несет на спине —
Расшитая кофта на ней горела.

Вот так от рыси олень бежит:
Глаза ему страхом смерти расперло,
Он лес ломает,
Он весь дрожит,
Он смаху берет болот рубежи, —
А рысь на хребте у него лежит
И не спеша подбирается к горлу.

Теряя повязки и костыли,
Из бывшей гостиницы «Интуриста»,

Сжав бледные губы,
В поту, в пыли,
Больные и раненые ползли
На Волгу,
к воде, от огня,
на пристань.

Какой-то старик лежал на песке
В рабочей спецовке —
Рыбак или слесарь, —
Кровавая ссадина на виске.
Он крепко зажал тетрадку в руке
И, мертвый, к борьбе не терял интереса.

За небом следил он.
От пыли седой,
Подвергнутый нечеловеческим пыткам,
Он всем существом своим —
Бородой
И согнутой в локте рукою худой, —
Казалось, указывал цель зениткам.
Зенитки стреляли, стволы раскаля,
По тридцать, по сорок минут безумолку
С бульваров изрытых,
С баржи,
С корабля.
И все мостовые,
Нет, — вся земля
Была в остывающих рваных осколках.

А город, пригнувшись, пережидал,
Когда поредеют над ним самолеты,

Он только со злобой зубы сжимал —
Так альпинисты снежный обвал
Пережидают в расщелинах скал,
Чтоб снова рвануться в небо,
в высоты.

Мы молча клялись отомстить врагу
За новое страшное, черное дело.
В беззлобной душе нашей зло накипело.
Свистело пламя на берегу.
Казалось, в груди моей все горело.

Лишь элеватора не могла
Сломить проклятая сила:
Поутру, с рассветом,
Среди обгоревших домов и веток,
Он снова из дыма вставал, как скала,
Как символ сталинских пятилеток.
Стоял и сверкал.
А кругом горит.
Стоял он, и страх ему был неведом.
Поднимемся утром, кричим:
«Стоит!
Стоит
И будет стоять до победы!»

3. ВОСПОМИНАНИЯ

Очень тяжело вспоминать...
В городе было много света,

В зелень была земля разодета,
Все начинало благоухать
С началом лета.
Даже дома излучали свет.
Трудно поверить, что города нет.

Ветер сюда долетал с Жигулей,
Со всех морей
И со всех полей.
Про город на Волге песни и сказки
Ходили по всей земле.
Стоит перед глазами яблонь расцвет.
Трудно поверить, что яблонь нет,
Что все смела огневая волна,
Не ходят моторки на острова,
Что набережная мертва, —
Ведь так недавно была весна...

Но Волга вспять никогда не текла.
Всё воскресим,
Возродим опять...
. . . .
А как недавно весна была!
Очень тяжело вспоминать.

Широк был май в своем начале —
Терялись берега вдали,
Столбы по заводям торчали,
Деревья из воды росли.

Как шелком шитая ермолка,
Лежал зеленый островок.

Кругом плескалась Волга, Волга,
И пароходный плыл дымок.

Чуть виден был рабочий город,
Не нас — его несла река,
Соединением линкоров
Казался он издалека.

Вода на острове густая,
    А в ней трава,
А в ней кусты,
И неба заводь голубая,
Плетни и первые цветы.

Вода струила волны света.
И убеждение росло,
Что прав философ из Милета:
Все из воды произошло.

Покинув палубу трамвая,
Мы очутились на песке,
Как зайцы дедушки Мазая
В его долбленом челноке.

А остров этот Критом звали.
И мы не думать не могли
О том, другом,
Который знали
И с детства раем нарекли.

Там в дни весенних рос и радуг,
Когда был мир цветком раскрыт.
Вода кипела от снарядов
И люди плакали навзрыд.

Но вот и к Волге
И к нашему Криту
Немецкие полчища подошли.
А он не большой и не знаменитый.
Но верили мы, что будут разбиты
Бандиты у этой волжской земли.

Пускай на нем ни гор, ни ущелий —
Он яростью нашей вооружен.
Он весь, как торпеда, в немца нацелен.
Пусть маленький,
Но советский он.

4. ГАРНИЗОННАЯ ТРЕВОГА

Волжанин!
До Волги пробился враг.
Твой хлеб не сжат,
Твой город сожжен.
Бей немца, чтоб света невзвидел он.
Руби его шашкой, донской казак,
На Волге-реке отомсти за Дон.

Пусть Волга смоет фашиста волной,
Пусть, гневная, выйдет из берегов
И смертью нагрянет на наших врагов,

Чтоб больше они не ходили с войной.
Пусть Волга встанет гранитной стеной,
Прославив Россию на веки веков.

*

Отряд краснофлотцев в триста штыков
По гарнизонной тревоге
За город вышел
Держать врагов
На северной дороге.
На северных скатах к родной реке
На волжских степных высотах
Держать на матросском,
На русском штыке
И танки и мотопехоту.

Держать до подхода армейских сил,
Пока есть дыханье и сила, —
Сам Сталин о том морякам говорил,
А Родина благословила.

Отряд — бывалые пареньки,
В наградах и в старых ранах,
Лихие военные моряки,
Ходившие в океанах.

Сошли с кораблей, лишь день на восход,
И сшиблись с врагом на марше.
Уперся немец — ни взад, ни вперед;
Ни взад, ни вперед и наши.

Окутался дымом степной перевал.
Столкнулись и вспять — ни шагу.
Германец ли наших к холму прижал,
Иль наши его к оврагу?

Матросские «клещи»,
Немецкий ли «клин»
Всю линию перекосили?
Стояли:
У них за спиной — Берлин,
У нас за спиной — Россия.

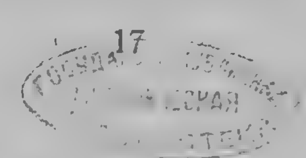
Но день за днем с высоты свинцом
Врага моряки сбивали,
Не раз оцепляли его кольцом
И сами в кольцо попадали.

«Чапаев» поддерживал с Волги их,
«Усыскина» гром до сих пор не стих.

А той порой в поту и в пыли
Из чащ и трущоб еловых
С полковником Гуртьевым к Волге шли
Сибирские звероловы.

Родимцев гвардейские вел полки
От Ахтубы к переправе,
Гороховцы шли — на весу штыки —
К победной, гвардейской славе.

2—1275

И город все ощутимей крепчал,
Упорство его нарастало.
Тогда уже он в бессмертье вступал,
Тогда уже немец страшиться стал
Его площадей и кварталов.

Отряд краснофлотцев в триста штыков,
Не дрогнув в боях ни разу,
Пронес, как знамя, честь моряков,
И поздней осенью с берегов
Его отозвали на базу.

Орлов запыленных встречал адмирал.
Видать, его сердце сжалось:
Он молча шагнул к ним,
Он все уже знал,
Но все-таки вздрогнул, когда увидал,
Что девять их только осталось.

★

В скверике у заводской стены
Столик дощатый,
Толпа народа.
Так же, как в лето далекого года,
Сливаются с гулом идущей войны
Гул голосов,
Дыханье завода.

В полночь наощупь по узким тропам,
Словно подпольщики, из-за угла,

Люди подходят к краю стола.
«Вправо, товарищи!
Здесь окопы».

Справа белеет бумаги лист.
Справа деревья, и легче дышится.
Стихнет на миг, и слышно, как лист
Над головами колышется.

«Товарищи, где получить патроны?» —
«Участник царицынской обороны?» —
«Да! Гончаров». —
«Отпускает завод!»

Грохот боев нарастает.
Идет
Запись в рабочие батальоны.

Ожесточился народ.
На заводе
Для формируемых танковых рот
Новая крепость с конвейера сходит.

Танки есть — водителей нет.
Их мастера из цехов заменили:
Прямо с конвейера
В тучах пыли
Двинулись в бой
в освещенье ракет.

5. ДОЧЬ СТАЛИНГРАДА

Еще чадил разбитый город,
Багровым пологом накрыт,
А люди средь гранитных плит,
Среди деревьев и заборов
Уже устраивали быт.
Из щелей выползали дети,
В садах белели тут и там
Пеленки мокрые, как сети,
Раскинутые по кустам.
На табуретке у калитки
Осиротевший старичок
Свои немудрые пожитки
В железный прятал сундучок.
Спеша закончить до бомбежки,
Вся до бровей в муке бела,
У обгоревшего ствола
Месила женщина лепешки
И тут же на костре пекла.
На выбитом из бочки днище
Кипел семейный самовар.
В трубу с родного пепелища
Щипцами подносили жар.

А той порой, грозя расплатой
Пришельцам из чужой земли,
Вооружаясь, чем могли,
Мужчины шли в военкоматы,
В партийные райкомы шли.

Вечером двадцать четвертого,
Утром
И в середине дня
В центре города полумертвого,
В вихрях зелени и огня,
Борясь с тоской и обидой,
Впадая порой в забытье,
В отчаянной коловерти
Я видел само бессмертье:
Я русскую девушку видел.
Я не забуду ее.

. . . .
. . . .

В руках чемодан маленький,
В ремнях одеяло и валенки.
Не в меру тепло одета.
Чтобы побольше взять,
Платьев на ней штук пять
И шуба поверх жакета.

Она пробиралась на Волгу,
Чтоб перейти реку,
В щелях лежала подолгу,
Ползла, волоча кошолку
С продуктами по песку.

Но вышла на берег
и вздрогнула,
Глянула из-под руки,

С ужасом лоб потрогала:
Не было реки.

Стоном строку эту выстони,
Страшен девичий взгляд:
Раненые на пристани,
А пристани горят.

Дерево располыхалось,
Нефть по воде плыла,
Даже вода, казалось,
Вся в огне была.

Волны огонь качали —
Катеру не подойти.
Раненые кричали.
Но как их теперь спасти?

Девушка смотрит с ужасом:
Вот она — война!
«Вынести хватит ли мужества?»
Подумала она.

И бросилась к одному
В черном низком дыму,
Вытащила из пламени,
Лицо отерла ему.

Бросилась к другому,
Перенесла его к дому.

Чтобы жара не палила,
Пальто своим накрыла.
Не помнила, как раздала
Все, что с собой взяла...

Но стали снаряды рваться
В вагонах на пути.
Куда ей теперь податься?
Решила отойти.

Нет, не за Волгу — в город.
В город!
Назад!
В дым!
Надвое мир расколот, —
Где надо быть молодым?

Им надо быть на войне,
В схватке,
В дыму,
В огне.

Девушка с чемоданом
Вышла на бугорок.
Было уже не рано,
Сумрак за Волгу лег.

Если б кто пролил слезы,
Сама бы его уняла.

Просто, легко,
Без позы
Выпрямилась,
Пошла.

Только строга была,
Да чуть бледна была,
Да выше, чем обычно,
Голову несла.

Да, раз шагнув вперед,
Уже не глядела назад.
Резко очерченный рот.
Иссиня-черный взгляд.
Нигде,
никогда
не забыть,
Даже у гибели на краю,
Как девушка эта шла,
Как вскинула,
Подняла
Голову свою, —
Нет, никогда не забыть!

Так люди идут, чтобы победить
Или умереть в бою.

И если немцы меня возьмут
Раненым на краю села

И на расстрел меня поведут,
Я вспомню, как она шла.

По твердости, по повадке,
По смелости в бою,
По выправке в строю,
Я в ней увидал ленинградку,
Сестру родную мою.

Некуда немцу податься,
От мести враг не уйдет,
Коль в нашем военном братстве
Везде живут ленинградцы,
Везде живут сталинградцы —
Железный, верный народ.

Ночь. Не видать ни зги.
Сходит двенадцатый танк с конвейера.
Где-то близко-близко враги.
Кинет «Катюша» огненным веером
Смерть через фронт,
И опять ни зги.

Утром,
едва занялся рассвет,
С Волги орудия заговорили.
Маршем по улицам
В клубах пыли

К фронту, на вспышки немецких ракет,
Части рабочие проходили.

Падают бомбы со всех сторон —
Не замедляет шаг батальон.
Взрыв листовое железо рвет,
Камни летят —
Батальон идет.

Рухнуло здание с ревом гулким —
Он пробирается переулком.
И отдается в сердце врага
Стук рабочего сапога.

Кепки снимают бойцы батальона
У обгоревшего милого дома.

«Чей батальон?» —
«Заводского района». —
«Кто ведет?» —
«Секретарь райкома».

Девушка с пристани подошла
К секретарю райкома:
«Здешняя я.
У вокзала жила.
В городе все мне знакомо.
Аней зовут...»

«Ну что ж, становись —
Первой сестрою будешь».
Так начинают военную жизнь
Наши
    русские
        люди.

6. ГОРОД ГНЕВА

Не было места на берегу,
Не было здания в городе целом,
Где бы ворвавшемуся врагу
Смерть в глаза не смотрела.

Били его из груд кирпичей,
Из деревянных развалин,
Из обгоревших русских печей,
Из уцелевших спален.

Снайпер забрался под спальный тюфяк
В завали на перекрестке.
Чтобы лица не заметил враг,
Вымазался известкой.

Выглянет немец из-за стены —
Он ему череп сносит.
Выйдет другой с другой стороны —
Он и его в переносье.

Городом гнева стал Сталинград.
Каждый боец — его камнем.

Встал, не сгибаясь, русский солдат
Со сжатыми кулаками.

Встал над рекою русский моряк,
Гордый своею славой.
Вправо метнется надменный враг —
Бьет артиллерия справа.

Кинется влево — отпрянет назад:
Колют штыками слева.
Городом гнева стал Сталинград,
Городом нашего гнева.

Мы поклялись стоять до конца.
Видит весь мир — стояли.
Тридцать три рядовых бойца
Семьдесят танков сдержали.

И никогда не забудется, как
Залитый бензином,
Факелом вспыхнув от пули, моряк
Влез на вражью машину.

Двадцать суток сидел другой
В черном подбитом танке,
Вел огонь одною рукой
По немцам на полустанке.

Верили:
Сможем врага сдержать,
Родине в том присягали.
Тот, кто не верил, не мог бы стоять.
Мы до конца стояли.

Глянем на город — душа болит.
Немцам грозим:
«Погодите!»
В саже, в золе он, родной, стоит,
Молит, распятый:
«Мстите!»

Нас подпирала родная страна
Всей материнскою силой,
Всю свою ярость к немцу она
В наши сердца вселила.
Сказано было: ни шагу назад!
За реку нет переправы.
Городом гнева стал Сталинград,
Городом нашей славы.

7. СТОЯТЬ НАСМЕРТЬ

Больно смотреть, когда не дымят
На берегу заводы,
Изгородь сбита, цветник примят,
Лег костьми искалеченный сад,
Будто от непогоды.

Больно, когда из пробитой баржи
Нефть вытекает в Волгу,
К Каспию вспять,
В никуда бежит,
Рыбу сбивая с толку.

Летчики наши на Запад пошли.
«Соколы, долетите!»
Наше проклятие понесли.
«Милые, донесите!»

Сбросьте его на Берлин, на Тильзит,
На Бухарест, на Бреслау,
Сбросьте его,
Оно — динамит.
Пусть отомстит оно,
Пусть сотворит
Нашу святую расправу.

Кто передаст, как рвались на врага
Волжские краснофлотцы?
Как им вода ни была дорога,
Вышли на берег,
В степные лога:
Дальше враг не пробьется.

Дальше ему не найти пути,
Нет через Волгу броду...
Вот уже первый коршун летит
Носом стеклянным в воду.

Начали бить морские калибры —
В зелень укрытые жерла пушек.
Бить начала морская «Катюша» —
После нее весь берег как выбрит.
Слышно, в окопах кричат бойцы:

«Ай, краснофлотцы!»,
«Ай, молодцы!»

Только появится цель вдали —
К небу взлетают глыбы земли,
Бронемашины, повозки, танки,
Рваное мясо — немцев останки.

И ликование по берегам:
«Браво, матросы!»,
«Ура морякам!»

Листья осенние шелестят,
Листья хрустят под ногами.
В небе с утра журавли летят
Клиньями,
косяками.

Над Сталинградом тяжелый чад,
Страшно над Волгой,
душно.
Птицы кричат тоскливо, не в лад,
Путают строй воздушный.

Движутся, словно вокруг земли,
Семьи под ветром жестоким.
К югу от стужи спешат журавли,
Люди от немцев —
к востоку.

Песня людская птичьей грустней,
Слезы не высыхают.
Птицы вернутся домой по весне,
Люди — когда? — не знают.

Долго, до смерти забыть не смогу
Ветер сырой, осенний,
Крик журавлей
И на берегу
Осиротевшие семьи.

*

Сжаты были со всех сторон
Осенью наши войска.
С воздуха немец — тысячи тонн,
Спереди, справа и слева он.
Только сзади река.

Снайпер сказал:
«Земли для нас
Нет на том берегу».
Крепкое сердце и верный глаз —
Верная смерть врагу.

Нашу пехоту с чем сравнить,
Мощь ее славить как?..
Ни раздавить не мог, ни сломить
Нашу пехоту враг.

Врезался клином железным в строй
И батальон отсек.
Думал, что так по частям на убой
Он переправит всех.

С трех сторон,
С четырех сторон
Был окружен батальон.
Верилось немцам, что должен он
Выйти к ним на поклон.

Думалось немцу:
Сейчас у реки
Он батальон возьмет.
А батальон уставил штыки
И зашагал вперед.

Ночь подошла.
Огляделись бойцы:
Лента земли узка.
Метров триста во все концы
А за спиной река.

Как на полярной льдине они —
Некуда отступать.
А по степи, куда ни взгляни,
Будто сполохи — огни, огни...
Ночь не придется спать.

Можно еще, покуда темно,
Молча сойти к реке,

Сесть на бревно — не все ли равно —
И переплыть налегке.

Немец проспится, утро придет —
Что оно принесет?
Утром их и ковер-самолет,
Верно, уже не спасет.

И смельчаки отдыхать не легли,
Утра не стали ждать, —
Мелкими группами поползли
Три человека, пять.

Но поползли вперед — не назад, —
Пусть и враги не спят.
По три диска на автомат,
По десяти гранат.

Утром немец начал бомбить, —
Танки спустились в лог.
Но ни ослабить он,
Ни сломить
Нашей пехоты не мог.

В землю врастая, стоял батальон.
Да окружен ли он?!
Даже сады с земли сметены.
Чем эти люди сильны?

Кажется, их уже нет в живых:
Все разнося в куски,

Кинутся немцы с горок крутых
К ним,
А они — в штыки.

Немцы кричат им:
«Рус, отдохни!
Рус, пообедать дай!»
Только огнем отвечают они:
Вот — на обед,
Получай.

Сблизились с немцами — ближе нельзя,
В сто шагов полоса:
Слышишь, как ходят, по грязи скользя,
Слышишь их голоса.

Выполз на бруствер один:
«Не стреляй!»
Голос — простуженный лай.
«Ты мне бросай с табаком кисет,
Я тебе — сигарет».

Вставив в ручную гранату запал, —
Что ей без дела висеть? —
Красноармеец пополз через вал.
Левой рукой кисет показал,
Правой метнул смерть.

В полночь вышел боезапас, —
Утром не жди добра.

Но подоспели к утру как раз
Волжские катера.

Но подоспели ночью «У-2» —
С неба летит термит.
Ожили люди: к чему слова?
Значит, стоит за ними Москва,
Москва за ними следит...

Вскинули головы и по травке,
В глубь ковыльных широт,
Немца сбросив с высот,
Вдаль от Москвы,
Навстречу Москве
Ринулись вперед.

Бой с самолетами нарастал,
Фрицы воду взрывали.
Тральщик вдруг задрожал
И стал —
Трос шальной винты обмотал:
Кончено, отвоевали.

Бомба за бомбой в окружьи рвется,
Рыба всплывает,
Даже не бьется...

Злость взяла краснофлотцев.

Немцев еще много,
Стелется трупный запах,

Еще предстоит дорога
Не маленькая — на Запад.

И зря погибать жалко,
Обидно,
Да и не сладко.

Выручила смекалка —
Моряцкая догадка.

На корабле объявили аврал,
Но где они, водолазы?..
Не вспомнить теперь, кто первый сказал:
«Давайте противогазы!»

Из гофрированных трубок,
Из патрубков вышло три шланга.
Каждая трубка — фаланга.
Грубо скрепили, но любо.

Трубки вроде гортаней:
Только к губам приложи,
Сами воздух тянут —
Сиди под водой и дыши.

Работай и дыши
Всем рыбам на удивленье.
Скафандры не так хороши,
Как это приспособленье.

Трое спустились в масках,
Как истые водолазы,

Концов размотали связку,
И тральщик рванулся сразу.

Матросские противогазы
На все годны без отказа...
Но это не так — для рассказа —
Это похоже на сказку.

8. ТАК ДЕРЖАТЬ

Не забудут люди никогда
Тяжкие военные года.

Где-нибудь в ауле, в кишлаке,
На далеком севере в Блуднове,
Трубку сжав в израненной руке
И нахмурив выцветшие брови,

Человек, седой не от годов,
Говорить начнет притихшим детям
О военной славе городов,
О блокадах, обо всем на свете.

Скажет гордо медленное: «Да-а!..
Тяжело и голодно бывало.
Хорошо стояли города,
Вражьей крови пролито немало.

Самолеты шли, как журавли,
Строем, клином, будто на параде.

Не изрытой не было земли.
Мы одни лишь вынести могли
По две тысячи налетов за день.

В середине заводской трубы
Целый штаб дивизии ютился.
Генералы глохли от стрельбы,
Командарм с бойцами рядом бился.

Пробирались по ночам к врагу
Штурмовые тройки и шестерки.
Таял снег от битв на берегу —
В январе ручьи стекали с горки».

Распахнет тужурку человек,
И блеснет военная награда —
Гордый и немеркнущий вовек
Свет — «За оборону Сталинграда».

. . . .

Немцы к Волге светлой подошли;
Не переставая озираться,
Торопливо стали раздеваться:
Грязные —
В мазуте и в пыли —
Захотели в Волге искупаться.
Привели фотографа с собой:
Искупаться мало — надо сняться,
Фотографии послать домой,
Чтоб могли родные похваляться,

Чтоб шумели дома:
Дескать, вот
Добрались до Волги наши наци...

Сбросив куртку и раззявив рот,
Взял фотограф лейку: рад стараться.

Но в кустах, на берегу реки,
Залегли советские стрелки.

Первым в Волгу с глинистого ската
Сшибли немца с фотоаппаратом:
Не закрыв от удивленья рта,
Он нырнул в глубокие места.

Трое, плывшие собачьим брассом,
Закричали вдруг истошным басом —
Не сомы ли начали их есть?
На волнах настигла немцев месть.

Тот, что Волгу пробовал на вкус
И покручивал свой мокрый ус,
Убедился скоро, что она
Для него горька и солона:
Воду кровью черной разведя,
Утонул он, руки разведя.

Офицера с дыркой у виска
Волны шумно сбросили с песка.

Снайперы покинули кусты.
Нет, не немцам Волгой любоваться!

«Так держать! — сказали. —
Будем драться».
Глянули на Запад с высоты:
«Кто еще пожалует купаться?»

Волны за Бекетовкой старинной
Вздутые немецкие тела
Вытолкали вместе с грязной тиной;
Волга дальше их не понесла.

9. БРОНЕКАТЕРА

Вся земля стоит на трех китах —
Так считали в древности глубокой:
Страны жаркие — на лбах широких,
Ледяные — где-то на хвостах.

Не киты, а бронекатера
До поры, покуда льды не стали,
В стылые свистящие ветра
Волжский город на себе держали.

Всё — от пушек до газет в те дни
От гранат и мин до шоколада —
Доставляли по ночам они
Воинам былинным Сталинграда.

Днем причалят к яру — не видать:
Ветви дуба и ветлы на башнях.

Но блеснет вечерняя звезда —
И бугрится за кормой вода,
Как земля на черноземных пашнях.

От ракет скрываясь, от луны
И чутьем нащупывая мели,
Словно тени, с левой стороны
К полыхавшей линии войны
Катера груженые летели.

Если с горок огрызался враг,
Сталь трассирующая визжала, —
Катера не опускали флаг,
Катера отстреливались так,
Что земля гудела и дрожала.

И с крутого яра поутру
Пехотинцы, их в листве заметив,
Удивлялись:
«Неужели эти
Так стегали нынче немчуру?»

Как байдарки легкие узки —
Не видать ни башен, ни орудий...
Но в отсеках узких — моряки.
У орудий этих моряки
В бескозырках —
Золотые люди.

10. НА ЗАПАД

Нынче в Сталинграде тишина.
День пройдет — ни выстрела, ни взрыва.
Как шторма от тихого залива,
Далеко от города война.

Свет мелькнувшего грузовика,
Скрип саней, скользящих за верблюдом,
Дробный стук стального молотка
Шум деревьев,
Первый рев гудка —
Все воспринимается как чудо.

И, сближая города страны,
Волгу-матушку с Невой-рекою
Музыкою радиоволны,
Гулом океанского прибоя,

Шумом горных осиянных вод,
Солнечным немеркнущим сияньем,
Как запев былинный, как сказанье,
Над землею русскою растет
Добытое кровью ликованье.

Слава всем, кому неведом страх,
Слава непреклонному народу,
Слава — кто с оружием в руках
На полях, в цехах, на рудниках
Защищает дом свой и свободу.

Слава знаменитым городам,
Партизанским селам и округам,
Слава нашим боевым подругам,
Морякам, идущим по следам
Вражеским и с севера и с юга.

Слава командирам и бойцам,
Павшим в этой битве небывалой,
Слава русским воинским сердцам,
Слава нашим детям и отцам,
Слава мужественным генералам.

С нами в испытаньях боевых
И Суворов и Кутузов были.
Слава мудрости военной их:
Нас они стоять на смерть учили.

Славу поднимает весь народ,
Вся двухсотмильонная держава,
Сталину, который нас ведет, —
Сталину вовеки слава.

Наши силы вновь пошли вперед,
И клинки победно заблистали.
Снова голос ленинский зовет:
«Пусть не ослабеет ваш поход,
В наступленьи действуйте, как Сталин».

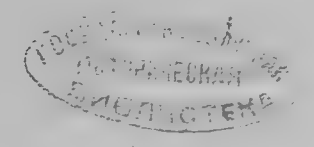
Слышим голос Ленина —
Он жив.
В горестях и в радостях он с нами.

Близятся родные рубежи.
Наступаем.
Сталин — наше знамя.

Каждый нерв донельзя напряжен.
Действуем!
Натянут каждый мускул.
Отомстим за смерть детей и жен,
Отомстим за город, что сожжен,
Отомстим за каждый домик русский!

На высотах у родной реки
Перебита вражеская лапа.
Грянет час решительного залпа,
Развернувшись, двинутся полки.
Направленье ленинской руки
Неизменно:
Он зовет на Запад.

Волжская военная флотилия
1942—1943 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор *Б. Дьяков*

Подп. к печати 2/IX 1943 г.
Л43194. 1½ печ. л. 56000 зн. в печ. л. 2,2 уч.-изд. л.
Тираж 25 000. Заказ 1275.
Цена 1 руб. 25 коп.

Ф-ка юн. кн. изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

ЦЕНА 1 р. 25 к.